

МОЁ НЕТРИВИАЛЬНОЕ ДЕТСТВО

О. Ю. Борисович

*Грустно и одиноко.
В сердце печаль утраты.
Душа твоя без возврата
Ушла в голубое далёко.*

Чем старше становишься, тем чаще оглядываешься назад, тем отчетливее воспринимаешь дискретность человеческой памяти. Прошлая жизнь представляется в виде отдельных событий, озаренных всплеском положительных или отрицательных эмоций. В разные моменты жизни наше сознание по-разному склеивает эти события в единую цепочку, именуемую прошлым, по-разному оценивает наши поступки и поступки близких нам людей. Меняется наше внутреннее «я» — меняется и наше восприятие прошлого.

Только с возрастом я стала понимать, как много сделал отец для становления моей личности. В раннем детстве он учил меня кататься на лыжах и коньках, летом обучал езде на двухколесном велосипеде, брал меня с собой на рыбалку. Как я любила эти ночные поездки на пригородном поезде, тёмные полустанки, просёлочные дороги, таинственные пруды, над которыми поднимался белый предрассветный туман. Отец терпеливо насаживал червяков на крючок, показывал, как забрасывать удочку и подсекать клюнувшую рыбу. Именно из этих детских впечатлений выросла моя любовь на всю жизнь к путешествиям по реке, байдаркам, палаткам и ночным кострам.

Семейство Борисовичей-Тюкачевых на реке Битюг

Отец был лёгок на подъем. Студенткой четвёртого курса мне удалось вытащить его сразу после первомайской демонстрации в байдарочный поход по Усманке в компании желторотой молодежи. Лидерский характер Ю. Г. не позволял ему оставаться на вторых ролях. Первый раз в жизни оказавшись в байдарке с веслом в руках, он тем не менее храбро принял на себя адмиральские функции и посадил лодки на мель посреди Воронежского моря.

Все мое детство и отрочество я находила в своем отце заботливого друга и товарища по интересам. Он научил меня бороться со своими детскими страхами, и я на всю жизнь запомнила, что главный человеческий порок — это трусость. Он старался развивать во мне творческое начало. Играл со мной в шахматы, помогал сочинять первые детские стихи, придумывал математические задачи на сообразительность. А какие замечательные книги он мне дарил: о великих мореплавателях и исследователях Севера! Героями моего детства были Христофор Колумб, Фритьоф Нансен, Тур Хейердал. Когда мои сверстницы вырезали ножницами бумажных кукол, я вырезала из журналов и книг заметки о полярных путешественниках и мечтала стать хотя бы геологом. Помню, как отец читал со мной летом на даче только что вышедшую в переводе с английского книгу о физике элементарных частиц. Мне было 14 лет, и ему приходилось объяснять сложные места на понятном мне уровне. Он показывал мне в самодельный телескоп кольца Сатурна, спутники Юпитера, кратеры на Луне; учил смотреть на солнце во время затмения сквозь закопченное стеклышко. Наверно, поэтому мои школьные тетрадки были испачканы на последних листах бесконечными поэмами о далеких планетах и звёздных странах.

В Ю. Г. жила любознательная душа вечного ребёнка. Он всё делал с азартом и увлечением: собирал грибы, играл в городки, прятался от нас, детей, в лесу, и мы, как следопыты, искали его по выложенным из шишек и прутиков указателям.

Он был вспыльчив и отходчив. Мы часто спорили и ссорились из-за пустяков. Гордость не позволяла нам обоим признавать свои ошибки. На следующий день мы просто делали вид, что ничего не случилось, и находили какое-нибудь общее дело. Например, читали вместе стихи его любимых символистов. Он и сам был поэтом, творцом, далеким от всего обыденного.

В студенческие годы я уже могла оценить высокий творческий потенциал своего отца, его преданность науке. Его работа составляла смысл его жизни. Студенты, мои однокурсники, уважали его и любили за принципиальность и бескорыстие, хотя многим он казался «не от мира сего». Этому способствовали его рассеянность и задумчивость, погруженность в свои мысли. Все это, как ни странно, не мешало отцу обладать бойцовскими качествами. И, в отличие от Дон Кихота, ему удавалось побеждать не только ветряные мельницы. Я всегда гордилась моим отцом. Мои жизненные идеалы и ценности сформировались в юности под влиянием его бескомпромиссности, честности, твердости в убеждениях. Я часто вспоминаю слова Канта о том, что две вещи остаются неизменными: «звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас». Он любил их повторять. За свою долгую плодотворную жизнь отец ни разу не нарушил нравственный закон своей совести. Самой высокой планкой он мерил свои земные поступки. Для меня он всегда был и остаётся примером духовного подвижничества, идеалом учёного и интеллигента.

Спасибо тебе, папа! Спасибо за то, что ты был, за то, что моя душа ощущает себя частицей твоей бессмертной души. Будь счастлив там, «среди миров, среди иных светил». Может быть, мы ещё встретимся за гранью бытия, и я смогу сказать, как я тебя люблю!

*Борисович Ольга Юрьевна —
старший преподаватель
кафедры высшей математики
Воронежской государственной
технологической академии,
г. Воронеж*